

УДК 340.111.52

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-173-184

EDN: AZNOYQ

Оригинальная научная статья

Исследование категории «субъект права»

Н. Е. Коваленко *Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация*✉ kovalenkorub5@gmail.com

Аннотация. Правовая система имеет в своей инструментарии специфичный язык, с помощью которого выражается сущность права. В первую очередь речь идет о юридическом языке, рассматриваемом учеными-правоведами в трех направлениях: в юридической науке; как практическая составляющая юриспруденции; как выражение права. В настоящей работе предлагается обозначить особенности языка права на конкретном примере – субъекте права. Актуальность исследования заключается в поиске подхода к понятию субъекта права в доктрине для того, чтобы четко понимать сущность данной категории в условиях смешивания субъекта с объектом правоотношения в информационном обществе. Цель работы заключается в исследовании феномена субъекта права, изучении подходов зарубежных ученых-правоведов. Вырабатывается общее представление относительно субъекта права в зарубежной правовой системе, обозначаются лексические формы выражения, терминологическое разнообразие. Автором применены сравнительно-правовой, исторический, диалектический, формально-юридический, логический методы, а также юридический анализ. Работы зарубежных ученых-правоведов содержат неоднозначное понимание субъекта права, зачастую встречаются тезисы, отождествляющие субъект с правовой личностью. Отмечается, что изменение общественной жизни сопровождается не только увеличением числа коммуникации, информационных потоков в целом, но и внедрением цифровых технологий. Отсутствие единого подхода к формированию теории субъектности (учения о субъекте) привело к потере ценности данной категории, что негативно сказывается не только на развитии теории права, но и на законодательной и правоприменительной деятельности. Видится перспективным дальнейшее исследование категории с целью разработки рекомендаций для законодателя по формированию норм права, посвященных субъектам. С одной стороны, субъект предстает в качестве личности, с другой, определяется как юридическая конструкция, закрепленная в тексте нормативно-правовых актов. Автор приходит к выводу о двуединой природе субъекта права, что ранее не рассматривалось в доктрине.

Ключевые слова: право; правоотношение; субъект права; юридическая техника; субъект правоотношения; лицо; индивид; язык

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Коваленко Н. Е. Исследование категории «субъект права» // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 173–184. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-173-184>. EDN: <https://elibrary.ru/aznoyq>

Original scientific article

Exploring the Category of the Subject of Law

N. E. Kovalenko

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

✉ kovalenkorub5@gmail.com

Abstract. The legal system possesses a distinctive language through which the essence of law is articulated. This pertains primarily to legal language, which legal scholars explore in three dimensions: within legal science; as a practical component of jurisprudence; and as a medium of expressing law itself. This paper proposes to examine the features of legal language through a focused case study – namely, the concept of the subject of law. The relevance of the study lies in identifying a doctrinal approach to the concept of the subject of law, which is essential for a clear understanding of its nature in the context of the information society, where distinctions between the subject and object of legal relations have increasingly blurred. The aim of this research is to explore the phenomenon of the subject of law and to analyze approaches taken by foreign legal scholars. The study seeks to develop a general understanding of this concept within foreign legal systems, to identify the lexical forms in which it is expressed, and to outline the terminological diversity associated with it. The Author employs comparative legal, historical, dialectical, formal-legal, and logical methods, along with legal analysis. The study finds that foreign legal literature reflects an ambiguous understanding of the subject of law; it frequently equates the subject with legal personality. Notably, transformations in societal life are accompanied not only by the expansion of communication and information flows but also by the introduction of digital technologies. The absence of a unified theoretical framework for subjectivity (the theory of the subject) has devalued this category, adversely affecting the development of legal theory as well as legislative and law enforcement practices. Continued research into this category appears both necessary and promising, particularly with the aim of formulating recommendations for legislators on the development of legal norms governing legal subjects. The study concludes that the subject of law is characterized by a dual nature: on the one hand, it is a person; on the other, it is a legal construct formalized in normative legal texts. This duality has not previously been sufficiently addressed in legal doctrine.

Keywords: law; legal relationship; subject of law; legal technique; subject of legal relationship; person; individual; legal language

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Kovalenko N. E. Exploring the Category of the Subject of Law. *Siberian Law Review*. 2025;22(2):173-184. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-173-184>. EDN: <https://elibrary.ru/aznoyq> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Юридическая наука представляет собой специфичную сферу, в которой одновременно существуют фактические отношения в обществе и государстве, реальный мир и правовая материя, система правового регулирования [1, с. 7].

С помощью языка становится возможным перевести в правовую плоскость фактические обстоятельства жизни чело-

века. В юридической науке язык выступает производным звеном между обществом, его потребностями, отношениями и законодателем в части создания нормы права. Профессор А. Ф. Черданцев писал об этом, как о «процессе материализации и реализации» [1, с. 12]. Ученый отмечал важность знаковой системы как носителя информации, при этом в роли знаковой рассматривал правовую систему [1, с. 15].

Несомненно, знаки оказывают воздействие на когнитивно-эмоциональное состояние человека, что влечет за собой ответную реакцию в виде определенного поведения. Если вести речь именно о знаках в правовой системе, то такое поведение продиктовано особенностями правового сознания личности, к примеру, информация о наказании за противоправные деяния, изложенная в норме права, приводит к формированию установки соблюдения данной нормы, включается оценочный фактор. Кроме того, сознание личности устроено таким образом, что проецирует на себя последствия увиденного, познанного, для того чтобы избежать последствий негативного характера. Знаковая система в этом случае обуславливает поведение субъекта.

А. Ф. Черданцев отмечал, что идеальные объекты, под которыми он понимал логико-языковые феномены, одновременно выступающие в качестве средств индивидуального регулирования, в правовой системе больше всего наблюдаются в процессе формирования правоспособности субъектов [1, с. 17].

Отметим, что формально-юридический метод позволил исследовать особенности юридической техники использования понятия «субъект права». Понимание юридического языка необходимо для осуществления действенного правового регулирования, что, в свою очередь, будет выражаться в правовой культуре в целом и уровне правосознания граждан в частности. Правовые тексты составляются с помощью определенных приемов и средств по правилам юридической техники. При этом существуют негативные явления юридической техники, усложняющие понимание. В доктрине к ним относят катахрзу, синонимию, избыточность метафор, полисемию и другие.

Как верно отмечает П. Н. Андреева, слово представляет собой начальный этап в формировании и построении текста, следует тщательнее относиться к требованиям законодательной техники¹. Считаем, что от качества юридического языка зависит не только оценка нормативно-правовых актов, но и четкость понимания нормы права. Представляет интерес изучение субъекта права с точки зрения полисемии. В частности, многозначность проявляется в использовании законодателем таких понятий, как «личность», «лицо», «субъект правоотношения», «участник правоотношения» и других. Так, П. Н. Андреева отмечает, что в процессе создания правовой нормы происходит перенос смысла слова в результате выявления их общих черт, то есть наблюдается метонимия². Далее ученый-правовед отмечает, что в современном законодательстве выявлены слова, часто подвергающиеся замене на другие, схожие, в качестве примера предлагая понятие «лицо»³. Соглашаясь с позицией П. Н. Андреевой относительно актуальности полисемии в современном законодательстве, находим актуальным продолжение исследования понятия «субъект права», а также отражение в последующем особенностей понимания данного термина в отечественной доктрине.

Предлагаем остановиться на аспекте полисемии в отношении субъекта права. Многозначность подходов к определению субъекта права вызывает неопределенность в понимании данной категории как на практике, так и в доктрине. В настоящее время не сложилось единой точки зрения относительно общего определения субъекта права в силу некоторых причин. Во-первых, данный термин сформировался под влиянием отраслевой науки гражданского права, в связи с чем он рассматривается с позиции лиц – участников

¹ Андреева П. Н. Юридическая техника : учеб. пособие. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2023. С. 111.

² Там же.

³ Там же.

правоотношений. Во-вторых, теория права не сформировала комплексной теории субъектности, которая позволила бы раскрыть наибольшее число аспектов исследуемой категории. В-третьих, так как гражданское право сформировалось под определенным влиянием романо-германской правовой семьи, не исключено влияние зарубежных источников права, специфика которых заключается в отсутствии полисемии и неоднозначности в понимании терминов в сравнении с отечественной правовой системой. Ввиду вышесказанного предлагается рассмотреть понимание термина «субъект права» в зарубежных источниках, определить общие закономерности исследуемого явления и попытаться выявить схожие позиции в российской правовой доктрине.

Следует отметить, что помимо явления полисемии существует синонимия, которая используется законодателем для уточнения своих позиций – происходит «уточнение мысли», отмечает П. Н. Андреева⁴. Автор настоящей статьи предлагает не рассматривать синонимию термина «субъект права». Анализ нормативных актов свидетельствует, что законодатель сознательно избегает терминологической синонимии, оперируя строго дифференцированными правовыми конструкциями при характеристике правового положения различных субъектов.

С помощью сравнительно-правового и системного методов рассмотрено доктринальное содержание зарубежных и отечественных источников теории права. Определено, что категория «субъект права» по-особому функционирует в российской правовой доктрине и практике прежде всего потому, что основное содержание субъекта составляет правовое сознание, основанное на национальной идентичности общества и государства. При этом сам термин «субъект права» часто предлагают сравнивать с терминами *persona* в рим-

ском праве или *subject* в английском праве. Считаю необходимым провести изучение субъекта права в англоязычной зарубежной доктрине, чтобы представить сравнительный анализ подходов к определению, на основании полученных результатов сформировать особенности российской теории субъектности. Следует отметить и появление новых видов субъектов – данный аспект показывает быстроту развития общественных отношений, требующих действенного правового регулирования. М. В. Залоило отмечает появление квази-субъектов и других новых субъектов права как результат цифровой трансформации сложных правоотношений [2, с. 105].

Цель данной работы состоит в выявлении проблемы понимания субъекта права как правовой категории, формированию авторской трактовки аспектов теории субъектности с точки зрения человекоцентристского подхода.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к субъекту права как к правовой категории с помощью логического метода. Изучение англоязычной научной доктрины направлено на выявление особенностей термина «субъект права».

По причинам стагнации в российской правовой мысли, неопределенности и подмене практического понимания категории субъекта права появилась необходимость в проведении комплексного анализа проблем теории субъектности, обнаруженных с помощью логического метода и метода юридического анализа, а также путей их решения, что обозначает значимость проводимого исследования.

В качестве примера одной из таких проблем можно привести трудности понимания субъекта права в зарубежных странах, что подчеркивает актуальность данного исследования и способствует поиску вариантов их решения через формирование отдельных аспектов субъекта права

⁴ Андреева П. Н. Указ. соч. С. 113.

как категории. Автором предлагается решение этой проблемы путем формирования стройной, логичной и четкой системы определения субъектов права в тексте нормативно-правовых актов, что позволит сформулировать рекомендации для правильного построения юридической конструкции субъекта права, так как законодатель неверно определяет содержание исследуемого термина, что приводит к возникновению полисемии, которая может проявляться как негативное явления юридической техники. В дальнейших исследованиях планируется сформулировать определение субъекта права как правовой категории, что видится перспективным в первую очередь потому, что от верности дефиниции зависит дальнейшее правовое регулирование отношений. Согласимся с позицией профессора Н. А. Власенко, который отмечает важность дефиниции в праве, так как в ней концентрируются основные черты содержания описываемого предмета. Также ученый-правовед подчеркивает роль правовых понятий, заключающуюся в «ориентировании правотворчества и реализации юридических норм» [3, с. 123].

С помощью исторического метода определено, что вопросом субъекта права в российской правовой доктрине стали заниматься с начала XX в., однако существенное развитие данная тема получила лишь со второй половины XX в. и продолжается по настоящее время. В частности, М. Ф. Орзих, В. К. Бабаев, С. А. Комарова, С. И. Архипов посвятили свои труды изучению личности как стрелы субъекта права, отчего возникло понимание его как правовой личности [4, 5]⁵. Профессор В. Е. Чиркин предлагал рассматривать субъект права в контексте юридическо-

го лица как юридическую абстракцию [6, с. 97–98]. Н. Н. Алексеев анализировал рассматриваемое понятие через способность выступать в роли правового деятеля, так как в деятельности происходит осмысление поведения [7, с. 203].

Прежде всего, обратимся к определению понятия «субъект права». Одни ученые предлагают трактовать его как участника правоотношений, другие – как лицо, обладающее правоспособностью при вступлении в правоотношения. Однако встречаются и иные подходы, которые предлагают в качестве субъектов права рассматривать участников правовой коммуникации, обладающих или способных приобрести права и обязанности «актом собственной воли», при этом имеющих возможность и готовых нести «юридическую ответственность, осуществлять правовую деятельность»⁶. Такая трактовка отвечает советской доктрине права, закрепленной в юридическом словаре⁷. Отметим, что в настоящей статье приводятся различия между категориями «субъект права» и «субъект правоотношения».

В настоящей работе предлагается рассмотреть существующие определения субъекта права, вызывающие неопределенность в его понимании, так как понятие исследовалось не как правовая категория. Активно развивающееся общество, увеличение коммуникаций внутри социума и государства выступают предпосылками возникновения новых видов отношений, требующих правового регулирования, что, в свою очередь, подчеркивает необходимость определения субъектно-объектных связей. Без обновления концепции о субъекте права рассмотрение его как правовой категории представляется достаточно сложным. В связи

⁵ См., напр.: *Бабаев В. К.* Теория современного советского права: фрагменты лекций и схемы. Н. Новгород: Нижгос. ВШ МВД РСФСР, 1991. 155 с.; *Архипов С. И.* Субъект права (теоретическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 522 с.

⁶ *Пономарева Е. В.* Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 33.

⁷ *Юридический словарь* / гл. ред. С. Н. Братусь [и др.]. М.: Госюриздат, 1953. С. 656–657.

с этим настоящая статья посвящена проблеме определения субъекта права как одного из центральных элементов в теории государства и права.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ СУБЪЕКТА ПРАВА

Термин «субъект права» был взят за основу в связи с тем, что он представляет собой неотъемлемый элемент любого правоотношения, отражает особенности отраслевых наук, поскольку историческое формирование его теоретического содержания сопровождалось активным исследованием лиц в правоотношениях различных сфер. Вопрос определения понятия субъекта права изучают не только в российской теории права, но и в зарубежной, поэтому в настоящем исследовании предлагается анализ иностранных источников для выявления особенностей соответствующего правопонимания.

В настоящее время отмечается период становления и развития информационного общества, сопровождающийся внедрением результатов технологий искусственного интеллекта, повсеместной автоматизацией сфер жизни общества. Ю. А. Тихомиров определяет новую реальность как «информационное (виртуальное) пространство», которое, в свою очередь, основывается как раз на обозначенных выше информационных технологиях. При этом ученый уточняет, что формируется совершенно новая юридикто-информационная сфера, которая порождает новые задачи, требующие разрешения, и далее задается вопросом правового регулирования новых явлений [8, с. 25]. Так, проблема определения субъекта права возникает в подобных отношениях, связанных со сферой цифровизации и автоматизации жизни государства и общества. Предлагается рассмотреть субъект как ключевой элемент правоотношения, без которого невозможны реализация правовых предписаний, воплощение механизма правового

регулирования. Так как человек выступает создателем правовой материи, на нем основывается преобразующая функция всего мира. Наблюдается проблема отраслевого поглощения понятия «субъект права», юридическая наука не выработала единого системного подхода к пониманию субъекта как правовой категории, явления теории права. Ю. А. Тихомиров отмечает превалирование развития отраслевых юридических наук, в связи с чем теория права теряет свою позицию, «ослабевая» [8, с. 33]. Это заметно в практическом опыте, который накапливают отраслевые науки, ежедневно сталкиваясь с юридическими фактами, требующими правовой регламентации, или казусами, которые следует разрешать. Количественное сравнение работ ученых-правоведов показывает, что по классической теории права написано меньше трудов, чем по отраслевым наукам. Констатируется наличие обозначенной проблемы, заключающейся в недостаточной разработке общих теоретических положений в контексте современных вызовов, а также в отсутствии системных попыток модернизации классических правовых понятий и категорий в тех сферах, где подобная актуализация представляется объективно необходимой. В данном контексте особую научную перспективу приобретает дальнейшее развитие указанного направления исследований с учетом возрастающего трансформационного воздействия цифровизации на все сферы общественных отношений, включая правовую действительность. Предлагаем начать модернизацию права с развития субъекта права как проблемы, находящейся на поверхности. Как верно отмечает Ю. А. Тихомиров, праву следует усилить свои позиции в части преобразующего и созидательного потенциала [8, с. 36].

Современные подходы к определению понятия «субъект права» демонстрируют значительное влияние гражданско-

правовой доктрины, в рамках которой данный термин традиционно раскрывается через характеристики участника правоотношений и правосубъектного лица. Разграничение понятий «субъект права», «субъект правоотношения», «лицо», «личность» не проводилось в юридической доктрине, между тем это стоило бы сделать для точного определения содержания понятийно-терминологического аппарата в науке. Л. И. Петражицкий отмечал важность полноты и «чистоты» языка науки, отсутствие вспомогательных черт, возникающих под влиянием практики [9]. Подобный подход можно встретить и у представителей Венского кружка, однако они выступали против проникновения обыденного языка в научный. В настоящее время в доктрине встречается позиция, согласно которой в теории права необходимо сформировать свой подход к определению субъекта права как правовой категории в науке⁸. Цель настоящей статьи состоит в исследовании понятия субъекта права, обозначении существующей проблемы в современных реалиях информационного общества и выделении закономерностей в зарубежных государствах для выявления менталитета правотворчества.

На наш взгляд, с определением субъекта права дело обстоит сложнее, так как прежде всего необходимо учесть личностную сущность, отображенную в действиях правовой личности, индивидуальные особенности человека как социально-активного участника общества, а также обратить внимание на особенности закрепления правового статуса субъекта законодателем.

Как было отмечено выше, при характеристике субъекта права приводится в пример понятие *persona*, под которым в римском праве подразумевалось право-

способное лицо, субъект права. Примечателен тот факт, что в римском праве понятия человека и лица не были тождественны. В редких случаях данный термин применялся для обозначения просто человека⁹.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К СУБЪКТУ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ДОКТРИНЕ

В зарубежной доктрине субъект права определяется через понятие *the subject of law*, однако при дальнейшем изучении выявлено, что так понимается субъект правоотношений – как отношения между персоной и реальностью: «*between persona and resyields*» [10, p. 68]. В данном контексте речь, скорее всего, идет о личности, а не о персоне, так как далее автор приводит понятие *persona* в кавычках, и затем через запятую уточняет его, но уже без кавычек: «*Thus a “person”, persona, is constituted by the possession of a bundle of rights*» [10, p. 69].

Таким образом, можно сделать вывод о разделении понятия субъекта в зарубежной теории права. Кроме того, Дж. Фроу предлагает рассмотреть особенности категории субъекта права через разделение естественной и правовой форм личности: «*natural and legal forms of the person*» [10, p. 70]. Под естественной формой, вероятнее всего, понимается объем естественных прав и обязанностей, данный природой и представляющийся недостаточным. Поэтому предлагаем рассматривать, помимо юридической, личностную сущность (сторону) субъекта права, что позволит расширить понимание субъекта как категории.

В английском юридическом словаре субъект права понимается как *persona*, при этом отмечается привязка к гражданской отрасли права и тем самым

⁸ Коваленко Н. Е. Аспекты теории субъекта права: исторический анализ // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 97–99.

⁹ Дорн Л. Б. Догма римского права: лекции проф. С.-Петербург. ун-та Л. Б. Дорна. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1890. С. 45–47.

подчеркивается отраслевой характер понимания¹⁰. В советских юридических словарях данное понятие не встречалось, что подчеркивало узость по отношению к определению субъекта права и привело к отсутствию комплексной правовой теории субъектности.

Группа иностранных ученых в своей работе пишут следующее: «*Understanding of legal personhood relies on the individual exercising personhood independently*» [11, р. 530]. Согласно данному тезису существует некая юридическая личность, выступающая отражением индивидуума, а последний выполняет роль личности. В данном случае ученые оперируют такими терминами, как *legal personhood*, *individual* и *personhood*. Вероятно, первый и последний термины используются в качестве синонимов, так как общий смысл тезиса, высказанного авторами, понимается как возможность человека реализовывать свой правовой статус, закрепленный в норме права, где он представлен законодателем как юридическая личность. Далее находим в тексте понятие *natural entity*, что понимается как физическое лицо [11, р. 530]. Интересно, что такой подход не совпадает со взглядами других иностранных авторов, лишней раз подчеркивая особенность неоднородного понимания субъекта права в иностранных государствах, что вызвано отсутствием единой теории субъектности. Кроме того, в завершении рассматриваемой статьи находим тождественное понимание *individual* и *personhood*, что отражает отсутствие системного понимания терминов. Однако приведенный подход позволяет сконструировать субъект права через юридическую личность, которая закреплена нормой права, и социальную личность, существующую в обыденных отношениях. Мы придерживаемся подхода к категории субъекта права как к двуединой структуре.

Существует иной подход к пониманию субъекта права. Э. А. К. Адриано предлагает следующее: *natural persons, juridical persons and legal personhood* [12, р. 101], то есть «физическое лицо», «юридическое лицо» и «правовая личность» (субъект права). В исследуемой работе Э. А. К. Адриано предлагает отождествлять понятия *person* и *legal entity*, под которыми понимается правовая личность, включающая в себя черты индивидуального и социального [12, р. 104]. Отметим, что данная трактовка схожа с нашим пониманием, в котором правовая личность выступает одним из этапов формирования субъекта права в правовой системе. В индивидуальное содержание субъекта права следует вкладывать понимание когнитивных, эмоциональных и биосоциальных особенностей поведения человека, что, в свою очередь, позволит обозначить внутренние причины поведения правовой личности. Знание обозначенного позволит законодателю лучше реализовывать прогностическую функцию норм права. Таким образом, будут предопределены потенциальные факторы, влияющие на выбор того или иного поведения, которое возможно предвидеть и закрепить в тексте нормативно-правовых актов, что положительно скажется на уровне законности и правопорядка в государстве и обществе. В частности, М. Ф. Орзих отмечал в своем труде, что природная составляющая человека как участника социума выступает причиной поведения, в том числе в правовой сфере, то есть через «внутренние условия личности» прослеживаются правовые связи [4, с. 21].

Рассмотренное мнение зарубежных авторов по вопросу определения субъекта права и правовой личности позволяет определить, что конкретного понимания термина «субъект права» в зарубежной доктрине не представлено. Так, упомянутая выше работа Э. А. К. Адриано

¹⁰ *Black's Law Dictionary*, 1968. P. 1300.

показывает три разновидности субъекта права, однако далее в тексте автор заменяет *legal personhood* на *legal entity*, что вызывает неопределенность в понимании истинного содержания правовой категории [12, p. 110–115].

КРИТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ТЕОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Следует отметить, что проблема существует и в российской правовой доктрине. Зачастую при рассмотрении вопроса субъекта права предлагается к рассмотрению физическое и юридическое лицо, или же существует мнение, согласно которому субъект права предлагается рассматривать как участника правоотношений [13, с. 166–169]. Профессор Н. И. Матузов определяет субъект права «в качестве носителя предусмотренных законом прав и обязанностей»¹¹. Отсутствие единого подхода к формированию теории субъектности (учения о субъекте) привело к потере ценности данной категории, что негативно сказывается не только на развитии теории права, но и на законодательной и правоприменительной деятельности.

Термин «субъект права» не получил должного исследования в теории права, отраслевое содержание гражданско-правовой сферы превалирует над общетеоретическим содержанием изучаемой правовой категории. Следует понимать субъект как личность, с одной стороны, и как юридическую форму, закрепленную в тексте нормативно-правовых актов, с другой стороны. Этот аспект требует дальнейшего глубокого изучения с учетом эмпирического и теоретического материала – в настоящее время такая работа ведется автором данной статьи.

Возникает проблема определения субъектов из-за изменяющейся социальной реальности и внедрения цифровых технологий. К примеру, Л. Ю. Василев-

ская обращает внимание на характер «электронного лица», которое в гражданской отрасли права не может определяться как субъект в классическом понимании (физические, юридические лица и др.), и предлагает рассмотреть его в качестве нового вида [14, с. 9]. При этом законодатель данный вопрос еще не рассмотрел: существующий в Гражданском кодексе Российской Федерации раздел, посвященный участникам гражданско-правовых отношений, не устанавливает правовой статус «электронного лица, цифровой личности». Согласимся с позицией Е. С. Аничкина, который отмечает, что общественные отношения претерпевают постоянные изменения, развитие, возникают новые коммуникации, тогда как нормы права не получили соответствующего обновления, остались на прежних позициях [15]. Так, уже стали возникать дискуссии о наделении искусственного интеллекта чертами субъекта права, вопросы идентификации и привлечения к ответственности цифровой личности за неправомерные действия в цифровой среде и другие [16–18]. М. В. Залоило отмечает, что в настоящее время происходит увеличение технико-цифровизационной составляющей в культуре правотворчества современного общества и, как следствие, возникают определенные особенности: трансформация правовой культуры и мышления человека, размывание границ между субъектом и объектом, объектом и результатом правотворчества [19, с. 67–68]. Обозначенная ситуация позволяет сделать вывод о риске потери индивидуальной особенности субъекта права, основанной на сущности человека как участника социального общества. Такая черта, как антропоцентричность права, находится под угрозой исчезновения вследствие погони за результатом масштабных информационно-коммуникативных процессов

¹¹ Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004. С. 187.

цифровизации и следования моде на использования искусственного интеллекта. Не стоит забывать классические правовые категории, но необходимо продолжать их исследование с учетом современных реалий. Наука теории права дает основополагающие, базовые позиции, с опорой на которые происходит дальнейшее правовое регулирование через нормы права. Ошибки в юридической технике, встречающиеся в настоящее время в текстах законов, представляют собой пробел в развитии научной терминологии классических категорий, на что следует обратить внимание научному сообществу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, приходим к тому, что возникшая ситуация неопределенности в понимании категории субъекта права сформировались в результате стагнации в российской правовой мысли и превалированием практического понимания данной категории. Целесообразно привести позицию А. Ф. Черданцева, который писал, что язык в юриспруденции имеет несколько уровней, среди которых принято выделять язык права, язык науки, язык юридической практики [1, с. 18]. Проведенное в настоящей статье исследование направлено на развитие языка науки, что соответствует концепции профессора А. Ф. Черданцева. Исследование зарубежной доктрины показало наличие аналогичной проблемы в понимании субъектов, что представляется вполне логичным ввиду особенностей английского языка, отличающегося лексической многозначностью. Российская правовая мысль предпринимала попытки изучения субъекта права как особой юридической фикции, тем самым показывая значимость и ценность субъекта как такового, однако в связи с доминированием гражданской отрасли права изучение субъекта права свелось

к соответствующему пониманию, а теория права стала изучать правовую личность, которая, на наш взгляд, выступает лишь частью субъекта права [20, с. 32].

Практическая значимость проведенного исследования заключается в разработке комплексного подхода к изучению проблемы определения субъекта права, а также моделировании начальных аспектов теории субъектности в современных реалиях. Проблема заключается в том, что субъект права рассматривают как понятие, а не как правовую категорию, в результате чего возникает неопределенность в понимании. В частности, это подтвердил приведенный анализ англоязычных источников. Решение обозначенной проблемы видится в развитии концепции субъекта права как категории через формирование стройной, логичной и четкой системы определения субъектов в тексте нормативно-правовых актов и создании рекомендаций для правильного построения юридической конструкции субъекта права, потому что законодатель под субъектом понимает множество терминов, что приводит к возникновению полисемии как негативного явления юридической техники. Следовательно, полученные результаты и выводы могут применяться для развития теории права, законодательной и правоприменительной деятельности, что позволит обозначить пробел в понимании субъекта права в концепции человекоцентристского правопонимания.

К тому же активное развитие общественных отношений вместе с усложнением информационных потоков между их членами способствует образованию новых видов отношений, требующих дальнейшей правовой регламентации. Автором настоящей статьи поставлена задача по поиску содержания категории субъекта права в следующих научных работах.

Список литературы

1. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике : моногр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. 319 с.
2. Залоило М. В. Субъект права и динамика его правового статуса в условиях цифровизации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 3 (43). С. 104–120. DOI: <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.43.3.12>
3. Власенко Н. А. Методологические основания исследования правовых ценностей : моногр. М. : Норма, 2023. 197 с. DOI: <https://doi.org/10.12737/2007818>
4. Орзих М. Ф. Личность и право. М. : Юрид. лит., 1975. 111 с.
5. Комаров С. А. Советское общенародное государство и личность: политико-правовые аспекты. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 135 с.
6. Чиркин В. Е. О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Журнал российского права. 2010. № 6 (162). С. 87–101.
7. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб. : Лань, 1999. 251 с.
8. Тихомиров Ю. А. Право: традиции и новые повороты: моногр. М. : Блок-Принт, 2023. 208 с.
9. Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб. : Юрид. книга, 2010. 1031 с.
10. Frow J. The Subject of Law // Social Theory and Legal Politics / ed. by G. Wickham. Sydney : Local Consumption Publications, 1987. P. 68–70.
11. Arstein-Kerslake A., O'Donnell E., Kayess R., Watson J. Relational Personhood: a Conception of Legal Personhood with Insights from Disability Rights and Environmental Law // Griffith Law Review. 2021. Vol. 30, № 3. P. 530–555. DOI: <https://doi.org/10.1080/10383441.2021.2003744>
12. Adriano E. A. Q. Natural Persons, Juridical Persons and Legal Personhood // Mexican Law Review. 2015. Vol. 8, iss. 1. P. 101–118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.mexlaw.2015.12.005>
13. Мицкевич А. В. Избранное / сост. и авт. предисловия Е. А. Юртаева. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2010. 304 с.
14. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : моногр. : в 5 т. М. : Проспект, 2021. Т. III / отв. ред. Л. Ю. Василевская. 287 с.
15. Аничкин Е. С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 19–22.
16. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46–62. DOI: <https://doi.org/10.15622/sp.55.2>
17. Васильев А. А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6 (104). С. 23–26. DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)6-03](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)6-03)
18. Хабриева Т. Я. Введение // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сб. материалов к XII ежегод. науч. чтением памяти проф. С. Н. Братуся. / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Статут, 2017. С. 21–28.
19. Залоило М. В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 65–73. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.065-073>
20. Ландкоф С. Н. Субъекты прав (лица). М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. 63 с.

References

1. Cherdantsev A. F. *Logical and Linguistic Phenomena in Law, Legal Science, and Practice*. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ.; 2012. 319 p. (In Russ.) (In Russ.)
2. Zaloilo M. V. The Subject of Law and the Dynamics of Its Legal Status in the Context of Digitalization. *MCU Journal of Legal Sciences*. 2021;3:104-120. DOI: <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.43.3.12> (In Russ.)
3. Vlasenko N. A. *Methodological bases for the research of legal values*. Moscow: Norma Publ.; 2023. 197 p. DOI: <https://doi.org/10.12737/2007818> (In Russ.)
4. Orzikh M. F. *Personality and Law*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1975. 111 p. (In Russ.)
5. Komarov S. A. *The Soviet All-People's State and the Individual: Political and Legal Aspects*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ.; 1986. 135 p. (In Russ.)
6. Chirkin V. E. On Notion and Classification of Legal Person of Public Law. *Journal of Russian Law*. 2010;6:87-101. (In Russ.)
7. Alekseev N. N. *Fundamentals of the Philosophy of Law*. St. Petersburg: Lan' Publ.; 1999. 251 p. (In Russ.)
8. Tikhomirov Yu. A. *Law: Traditions and New Occasions*. Moscow: Blok-Print Publ.; 2023. 208 p. (In Russ.)

9. Petražycki L. I. *Theory and Policy of Law: Selected Works*. St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga Publ.; 2010. 1031 p. (In Russ.)
10. Frow J. The Subject of Law. In: Wickham G. (Ed.). *Social Theory and Legal Politics*. Sydney: Local Consumption Publications, 1987. P. 68–70.
11. Arstein-Kerslake A., O'Donnell E., Kayess R., Watson J. Relational Personhood: a Conception of Legal Personhood with Insights from Disability Rights and Environmental Law. *Griffith Law Review*. 2021;30(3):530-555. DOI: <https://doi.org/10.1080/10383441.2021.2003744>
12. Adriano E. A. Q. Natural Persons, Juridical Persons and Legal Personhood. *Mexican Law Review*. 2015;8(1):101-118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.mexlaw.2015.12.005>
13. Mitskevich A. V. *Selected Works*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ.; 2010. 304 p. (In Russ.)
14. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B., Tsalov F. A. *Digitalization of Civil Turnover: Legal Characterization of "Artificial Intelligence" and "Digital" Subjects (A Civil Law Study)*. Vol. III. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. 287 p. (In Russ.)
15. Anichkin E. S. Modernization of the Constitutional Law Status of an Individual in the Conditions of Cyberspace Establishment. *Constitutional and Municipal Law*. 2019;12:19-22. (In Russ.)
16. Arkhipov V. V., Naumov V. B. Artificial Intelligence and Autonomous Devices in Legal Context: on Development of the First Russian Law on Robotics. *SPIIRAS Proceedings*. 2017;6:46-62. DOI: <https://doi.org/10.15622/sp.55.2> (In Russ.)
17. Vasilev A. A., Szpoper D. Artificial Intelligence: Legal Aspects. *Izvestiya of Altai State University*. 2018;6:23-26. DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)6-03](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)6-03) (In Russ.)
18. Khabrieva T. Y. Introduction. In: Yakovlev V. F., Khabrieva T. Y., Andreev V. K. etc. *Legal Personality: the Collection of Materials for the XII Annual Scientific Readings in Memoriam of Professor S. N. Bratus*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., Statut Publ.; 2017. P. 21–28. (In Russ.)
19. Zaloilo M. V. Post-Industrial Culture of Law-Making: a New Image of Reality. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;4:65-73. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.065-073> (In Russ.)
20. Landkof S. N. *Legal Subjects (Persons)*. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1928. 63 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Евгеньевна Коваленко, младший научный сотрудник лаборатории проблем правового регулирования научной и инновационной деятельности, аспирант кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (пр. Ленина, 61, Барнаул, 656045, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4961-9480>; e-mail: kovalenkorub5@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Natalya E. Kovalenko, Junior Researcher of the Laboratory for Legal Regulation of Scientific and Innovative Activity, Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law at the Altai State University (61 Lenin pr., Barnaul, 656045, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4961-9480>; e-mail: kovalenkorub5@gmail.com

Поступила | Received
24.02.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
02.04.2025

Принята к публикации | Accepted
03.04.2025